

мые восторженные отзывы радиослушателей, с нетерпением ждавших каждый их выход в эфир.

Благодаря этим передачам аудитория Айзенштадтов выросла многократно.

Увы, теперь мы не услышим такого узнаваемого, неповторимого голоса Владимира Борисовича. Но остались записи их с Маргаритой Яковлевной передач, книги, которым, я уверен, суждена долгая жизнь, память их благодарных слушателей. На вечере памяти Владимира Борисовича в Российской национальной библиотеке, прошедшем на 9-й день после его ухода из жизни — 18 мая 2014 года, вечере, длившемся три часа в битком набитом зале, особенно ярко проявилась любовь и, наряду с горечью утраты, какое-то особое светлое чувство к нему коллег по работе, посетителей «Вечеров на Фонтанке», радиослушателей, читателей. Имя Владимира Борисовича Айзенштадта заняло достойное место в ряду известных петербургских краеведов.

В.И. Аксельрод

Автобиография В.В. Антонова¹

Я только один раз надолго уезжал из Петербурга, где 14 сентября 1938 родился на Крестовском острове, в семье техника военного завода. В 1962 полгода по распределению проработал в Художественном музее г. Орджоникидзе. Не покидал город даже в блокаду, в которую умерли мои отец и дед.

В блокаду мы с мамой переехали с Крестовского в центр, ближе к родным. Поселились во дворе, в небольшой коммунальной квартире, в конце Садовой улицы, близ Калинкина моста. Большая и потом Малая Коломна на целых полвека стали моим родным районом, ибо в 1972–1992 я с женой и детьми жил на Псковской улице, которая упирается в Адмиралтейские верфи.

В Большой Коломне, недалеко от дома, я учился в 244-й школе, из которой перешел в 252-ю на Крюковом канале, в Малой Коломне. Я тогда еще не знал, что раньше здесь размещалась гимназия Императорского Человеколюбивого общества, а в спортзале действовала домовая церковь свв. Константина и Елены. Из окна класса открывался дивный вид на Никольский собор и его изящную колокольню.

¹ В. В. Антонов умер 15 мая 2014 года, после долгой болезни. Впервые автобиография В.В. Антонова опубликована вместе с библиографией его работ о Петербурге за 1974–2006 годы: Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. VII. СПб., 2006. С. 610–624.

Окончив среднюю школу, в 1956—1961 изучал историю искусств на факультете теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Наш курс был небольшим и интернациональным: двое из Прибалтики, один китаец, один албанец, трое евреев и четверо русских. Общегуманитарные предметы и спецкурсы читались добросовестно, некоторые преподаватели (Г.Г. Гримм, М.В. Доброклонский, А.П. Чубова) держались петербургских традиций. В научной библиотеке можно было знакомиться с дореволюционными и иностранными книгами и журналами, на абонементе брать на дом Пруста, Гумилева, Мережковского, Уайльда. В год окончания института в космос полетел Юрий Гагарин. Это был апогей советской эпохи.

Проработав полгода в Орджоникидзе (ныне Владикавказ), вернулся в Ленинград, где в 1962—1965 занимался в аспирантуре при вышеназванном институте. Подготовил диссертацию об итальянской живописи барокко. Одновременно начал трудиться научным сотрудником просветотдела Эрмитажа. В эти годы я еще мало интересовался историей родного города.

В 1972 из-за антирелигиозных притеснений перешел на исследовательскую работу в реставрационные мастерские, где приступил к работе по созданию свода архитектурных памятников Ленинграда. Увлёкся архивными изысканиями по истории города, которые не оставляю до сих пор. Они стали основой большинства моих тогдашних краеведческих публикаций, главным образом в газетах. В то же время началось мое сотрудничество с местным Обществом охраны памятников, где я читал лекции и участвовал в обсуждении актуальных градостроительных проблем. Именно в те годы я и сделался историком Петербурга.

После ликвидации реставрационных мастерских в 1974—1976 трудился по заказам прибалтийских реставраторов. Составил перечни материалов в РГИА по архитектуре Латвии и Литвы. Для Рундальского дворца-музея делал выписки из старых документов в архивах Ленинграда и Москвы. Определился круг моих историко-искусствоведческих интересов, связанный с Петербургом, а именно: итальянцы, работавшие в XIII—XIX вв. в городе и в целом в России, архитектура классицизма, художественные коллекции старого Петербурга.

С 1976 десять лет подряд занимался ради заработка богословскими переводами (с немецкого, итальянского, французского) для Ленинградской Духовной академии и одновременно продолжал

научную деятельность, регулярно помещая статьи о культурных связях России и Европы в иностранных и русских изданиях. Благодаря свободному положению я мог регулярно бывать в Москве, заниматься в ее архивах и познакомиться с местными краеведами.

В конце 1970-х сблизился с альтернативным культурным движением, сотрудничал в самиздатском журнале «Часы», с кружком С. Сигитова, работал в «Клубе-81». Несколько лет рецензировал выставки в Ленинграде и Москве, в том числе художников-нонконформистов, в специализированных немецких журналах. В эти годы официальная критика не интересовалась этими художниками.

С 1981 в течение четырех лет — один из руководителей неофициального православного семинара. В 1988—1990 ежемесячно издавал в самиздате «Невский духовный вестник», выступал на религиозных встречах и конференциях, занимался созданием в городе приходских общин. В 1989 был среди инициаторов организации в Петербурге «Общества русской православной культуры свт. Игнатия (Брянчанинова)», а два года спустя — «Общества русской православной мысли им. И.А. Ильина».

В 1990 Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Иоанном приглашен в издательский отдел епархии на должность заведомо во вновь воссозданном журнале «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», где проработал девять лет, публикуя статьи по церковной истории города, о новомучениках и исповедниках Российских и сектах. Одновременно по той же тематике активно печатался в разных отечественных и зарубежных журналах.

В 1986—1987 был несколько месяцев сотрудником Ленинградского отделения Всесоюзного фонда культуры и участвовал в подготовке выставки «Утраченные памятники архитектуры Ленинграда», которая имела большой резонанс.

В это время в сотрудничестве с А.В. Кобаком была завершена многолетняя работа над церковно-исторической энциклопедией «Святые Санкт-Петербурга», которая выдержала уже два издания.

Много времени с начала перестройки отнимала у меня политическая деятельность в разных национально-патриотических и православных организациях, что снизило на некоторое время мою научную активность. В конце 1990 вступил в монархическое движение. Был избран членом синклита Всероссийской партии Монархического центра и позднее принимал участие в монархических совещаниях и земских соборах, организуемых скульптором В.М. Клыковым.

Летом—осенью 1993 входил в состав объединенной оппозиции города, участвуя в митингах, пикетах и теледебатах как председатель думы Православного Русского национального собора, объединившего различные патриотические группы Петербурга.

Весной 1994 стал делегатом учредительного съезда «Державы», возглавив ее отделение в СПб. Убедившись в двурушничестве А. Руцкого, в августе 1995 с группой единомышленников вышел из организации и сосредоточился исключительно на православно-монархической деятельности.

Занимаясь ею, способствовал — как представитель партии Монархического центра — организации молитвенных стояний и крестных ходов в Петербурге в дни памяти Царя-Мученика: 19 мая и 17 июля, регулярных панихид у гробниц Императоров, народных протестов против захоронения лжеостанков в Петропавловском соборе, против сектантской агрессии, дискриминации православных в Эстонии. Вместе с прот. Алексием Масюком возглавлял также православные демонстрации и пикеты в защиту Сербии и вел в 1997—2000 на «Православном радио Санкт-Петербурга» еженедельные духовно-просветительные беседы.

В 1998 избран председателем общественного «Комитета по сохранению и возрождению святынь Санкт-Петербурга», который занимается прежде всего установкой памятных знаков на месте снесенных храмов города. В 2001 принял участие в написании «Синодика новомучеников и исповедников Санкт-Петербургской епархии» и издании справочника «Земля Невская Православная».

В 1995 моя краеведческая работа заметно усилилась, и в 2000 за общий вклад в изучение Петербурга я был награжден Анциферовской премией. Начиная с IV выпуска начал принимать участие в составлении и научном редактировании альманаха «Невский архив», где регулярно печатаю и свои статьи.

С 1992 проживаю в историческом центре города и из своего окна вижу купол Исаакиевского собора, который с недавнего времени стал и моим приходским храмом. Совершая прогулки, я часто прохожу рядом с памятниками архитектуры, о которых в разные годы написал что-то новое.

Петербургский человек¹

В ночь со 2 на 3 октября 2014 года умер Юрий Минаевич Пирютко. Умер в Торжке, куда поехал на конференцию по сохранению малых исторических городов. Вероятно, сердце.

Блестящий знаток петербургской культуры, человек свободного действия, никогда не думавший о карьере и верный своему делу. Участник многих программ Фонда Лихачева. Один из лучших историков Петербурга. Умница, эрудит, меломан, знаток балета и оперы, Юрий Пирютко был очень петербургской фигурой, будто зашедшей к нам из «серебряного века». Без него ландшафт петербургской культуры делается беднее.

Юрий Пирютко родился в мае 1946 года в Ташкенте (чему придавал определенное значение). Осенью 1946 семья переехала в Сиверскую под Ленинградом. С 1960 года жил с матерью в Гатчине, с 1973 — в Ленинграде. Окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета (1969) по специальности историк-искусствовед. Дипломная работа была посвящена художнику-любителю князю Г.Г. Гагарину, вице-президенту Академии художеств и одному из создателей русско-византийского стиля. Как иронически отмечал Ю.М.: «Любопытно, что мне рекомендовали не называть Григория Григорьевича князем».

Ю.М. обладал замечательным литературным даром, сочинял много и легко. С конца 1960-х годов написал едва ли не дюжину

¹ В сокращенном виде статья опубликована: Санкт-Петербургские ведомости. 2014, 6 октября.